

Научная статья
УДК 303
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 2)

Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные варианты теоретического осмысления проблемы этнического многообразия человечества. Современное состояние теоретизирования в этой области приходится признавать неудовлетворительным, так как оно характеризуется попытками замены понятия "этнос" на концепт "идентичность", имеющий индивидуалистические коннотации. Не менее показательны призывы объяснять этот феномен культурным разнообразием и даже вернуться к его описанию, используя менее определённое слово "народ". Подмена полноценного теоретического осмысления проблемы отслеживанием истории появления и применения термина "этнос" не менее показательна для признания кризисного состояния рассматриваемой научной области. Современные данные позволили установить, что российские и зарубежные авторы, обсуждавшие этнос, включая Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, Ф. Барта, В. Мюльмана, во многом опирались на теорию С. М. Широкогорова. Поэтому в статье проводится идея, согласно которой теоретико-методологические основания последней намного превосходят по своему эвристическому потенциалу разработки других авторов, и она не утратила своего значения для анализа этнических явлений.

Ключевые слова: этнос, этническое многообразие, теория С. М. Широкогорова, трансдисциплинарность
Для цитирования: Кузнецов А. М. Страсти по этносу: или какая теория о нём всё же нужна? (Часть 2). *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 58–66.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 2)

Anatolij M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. The main versions for theoretical understanding of the problem of ethnic diversity of mankind are discussed in this article. The current state of theorizing in this area must be recognized as unsatisfactory, since it is characterized by attempts to substitute the concept of "ethnos" with the concept of "identity", calls to explain this phenomenon by cultural diversity and even to return to its description using the word people. The substitution of a full-fledged theoretical understanding of the problem by surveying the history of the emergence and using of the term "ethnos" is very indicative of the recognition of the crisis state of this scientific field. Current data have made it possible to establish that Russian and foreign authors discussing ethnos, including Yu. V. Bromley, L. N. Gumilev, F. Barth, V. Mühlmann, relied on the theory of S. M. Shirokogorov. Therefore, the article puts forward the idea that the theoretical and methodological foundations of the latter are much superior in their heuristic potential to the developments of other authors and it has not lost its significance for the analysis of ethnic phenomena.

Key words: ethnos, ethnic diversity, Sergey Shirokogoroff's theory, transdisciplinarity
For citation: Kuznetsov A. M. Passions About Ethnos: Or What Theory of It Is Still Needed? (Part 2). *Ojkumena. Regional Researches.* 2026, No. 1. P. 58–66. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/58-66>

Реальные истоки теории этноса

Самое удивительное в обсуждении проблем, связанных с этносом, заключается в том, что, начиная со второй половины 1920-х гг., обращавшиеся к ним исследователи, так или иначе, основывались на идеях российского ученого Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939). Понять причины такой неожиданной ситуации можно, учитывая основные факты биографии и личности этого замечательного ученого. Образование Широкогорова получил сначала в Сорбонне на филологическом факультете. В Париже он одновременно в 1905 г. поступил слушателем в Высшую школу экономических и политических исследований, а в 1907 г. ещё учился в Школе антропологии. В 1910 г., после возвращения в Россию, С. М. Широкогоров поступил на естественное отделение (биологическое) физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В это же время он был зачислен сотрудником Музея

Окончание – начало см.: *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2025. № 4. С. 34–42.

антропологии и этнографии Академии наук. Здесь Широкогоров в 1916 г. был назначен куратором Музея по Антропологическому отделу. В 1912 и 1913 гг. этот сотрудник Музея был командирован в Забайкальский край для изучения тунгусского населения [11–17]. В 1915–1917 гг. он совершил длительную этно-археологическую экспедицию по Северо-Восточному Китаю и российскому Приамурью. В экспедициях Сергея Михайловича всегда участвовала его жена Елизавета Николаевна, которая вообще-то занималась музыкой. В конце октября 1917 г. Широкогоровы снова выехали в экспедицию на Дальний Восток. Из-за начавшейся в России гражданской войны им пришлось в июне 1918 г. вернуться из Китая в доступный тогда Владивосток [17]. Здесь Сергей Михайлович участвовал в организации частного историко-филологического факультета (открыт в октябре 1918 г.), затем и Государственного Дальневосточного университета (открыт в марте 1920 г.) и Отделения академического Института исследования Сибири [15].

Во Владивостоке С. М. Широкогоров опубликовал несколько статей и свой первый концептуальный труд "Опыт исследования основ шаманства у тунгусов" (1919 г.). Здесь он также подготовил монографии "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" и "Социальная организация маньчжур". Для публикации этих двух работ автор был командирован Университетом в сентябре 1922 г. в Китай. Из-за сложностей с изданием своих монографий приват-доцент Широкогоров не смог вернуться к 26 октября во Владивосток. В это время в России завершилась гражданская война, и в городе была установлена новая советская власть. В результате Сергей Михайлович был уволен из Университета, и Широкогоровы оказались в вынужденной эмиграции в Китае. Сначала этот российский исследователь работал в ряде университетов Южного Китая. Здесь, в Шанхае, в 1923 г. была издана ещё на русском языке монография Широкогорова "Этнос...". Затем он стал публиковать свои работы, начиная с "Социальной организации маньчжур" (1924), уже на английском языке [12; 26; 36]. Вскоре сам автор подготовил также пространную и краткую англоязычные, а затем франкоязычную версии своей монографии "Этнос..." [28; 31; 32]. В 1928 г. университет им. Сунь Ятсена (Гуанчжоу) командировал его в Юнаньскую экспедицию, которая стала первой профессиональной этноантропологической экспедицией в Китае. В 1930 г. С. М. Широкогоров был приглашён работать в Пекин, сначала в университете Цинхуа, а после его эвакуации перед японской оккупацией города – в других учебных заведениях. В Пекине аспирантом Широкогорова стал Фэй Сяотун (1910–2005), впоследствии видный учёный – основоположник социологии в Китае и общественно-политический деятель [25].

Несмотря на сложности этого периода в Китае, С. М. Широкогоров, оказавшись на научной периферии, приложил немало усилий, чтобы не быть оторванным от мировой науки. Он обобщил в нескольких монографиях собственные исследования по физической антропологии китайцев [26; 27; 33]. Затем исследователь опубликовал результаты своих экспедиций по Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в "Этнологических и лингвистических аспектах урало-алтайской гипотезы" [30] и, наконец, в фундаментальном исследовании "Психоментальный комплекс тунгусов" и других работах [34]. Он старался также поддерживать активные связи с учёными России, Великобритании, Германии, Польши, США, Франции и ряда других стран. Кроме обращений в разные научные организации среди тех, с кем Широкогоров был в переписке, можно отметить академика В. М. Алексеева (Россия), Б. Малиновского (Великобритания), В. Л. Котвича (Польша), Ф. Боаса, А. Хрдличку, Б. Лауфера, Р. Лоуи (США) [10].

По данным немецкой исследовательницы Уллы Йохансен¹, в Германии высоко оценил первые публикации С. М. Широкогорова Р. Турнвальд. (Неудивительно, что в Германии была переведена и его владивостокская работа о шаманизме тунгусов) [37]. Турнвальд же порекомендовал своему ученику В. Мюльману обратить внимание на работы русского учёного. Последний стал

¹ Профессор Улла Йохансен (1927–2021) за большой вклад в изучение истории и культуры тюркских народов была удостоена почётной награды РГО – Золотой медали имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Медаль ей вручил в апреле 2018 г. в Санкт-Петербурге Председатель Попечительского Совета Русского географического общества, Президент РФ В. В. Путин.

часто обращаться к идеям Широкогорова об этносе в своей известной работе "Методика этнологии" [4]. Как особое достижение Широкогорова немецкий учёный отмечал объяснение звенков на основе их ментальности, а не поведения. В целом, как считал В. Мюльман: "Заслуга Широкогорова состоит в том, что этнос вновь стал целью этнологических теорий" [4, с. 140–141]. В свою очередь, российский коллега ответил рецензиями на издания немецкого учёного [29; 35]. Такие свидетельства признания стимулировали С. М. Широкогорова посетить Германию во время поездки по Европе после получения творческого отпуска (sabbatical) в 1936 г. Получив известие о безвременной смерти Широкогорова в Пекине, В. Мюльман опубликовал свой некролог, в котором отмечал: "Как только в 1935 г. вышла книга "Психоментальный комплекс тунгусов", мне стало ясно, что этим трудом Широкогоров разрушил рамки этнографии (в прежнем значении этого термина) и поставил себя в первые ряды теоретиков этнологии" [4, с. 146; 73]. Даже в условиях нацистского режима немецкий учёный мог написать о русском коллеге: "Широкогороду столь же мало приходило в голову... различать "природные" и "культурные народы" или "примитивные" и "непримитивные" [4, с. 147]. Действительно, сам Сергей Михайлович никогда не отступал от своего убеждения в том, что: "... цивилизованные нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию" [16, с. 18].

По данным П. Скальника, у Мюльмана учились студенты из Южной Африки П. И. Курце и И. Х. Куци, ставшие впоследствии видными специалистами в своей отрасли. Они также усвоили значимость теории этноса С. М. Широкогорова и стали активно применять ее к условиям апартеида [13, с. 75; 38]. Причину, по которой идея этноса оказалась здесь актуальной, можно понять из книги П. И. Курце, в которой объяснялось, что именно "... за счёт расовой эндогамии сформировался народ (volk) африканеров. В то время как "цветные" (коренное население) недоразвились до такого уровня и всё ещё оставались на стадии этнической общности с собственной идентичностью" [13, с. 79; 38]. В публикации 1980 г. П. И. Курце определял "... etnos как относительно независимую и относительно самодостаточную человеческую социальную единицу, которая возникла не ad hoc [по случаю], но появилась в процессе развития...". Он также выразил уверенность в том, что "... человеческая жизнь и формирование человеческих общностей подчинены работе сил, которые никому не подвластны, можно сказать, что человеческие социально органические единицы... были вызваны к существованию самим Богом..." [13, с. 77; 38]. Его коллега Куци был также уверен в том, что "... разделение человечества на этнические единицы дано исторически в соответствии с божественным планом мироустройства. Бог также является создателем и водителем народов" [13, с. 77; 38]. Это даже не просто привычный примордиализм в трактовке этноса, а некий особый теологический подход.

Смерть С. М. Широкогорова 19 октября 1939 г. и Вторая мировая война обусловили снижение интереса к идеям российского учёного об этносе за границей. В СССР он ещё раньше был не в чести по причине своего "белоэмигрантского статуса". К сожалению, как отмечает У. Йохансен, после войны Мюльман: "... представляет теоретические концепции Широкогорова (немного изменив терминологию) как свои собственные и цитирует учёного... лишь как "тунгусоведа" [4, с. 142]. Вообще в этот период более востребованной оказалась работа С. М. Широкогорова "Психоментальный комплекс тунгусов". В 1982 г. издательство AMS Press опубликовало факсимильное издание "Комплекса..." в Нью-Йорке, а в 2001 г. эта работа была опубликована на немецком языке [4, с. 141–142]. Активно использовал "Психоментальный комплекс..." также работавший в Париже известный исследователь Мирча Элиаде в своей монографии "Шаманизм. Архаические техники экстаза" [21]. Проблема заключается в том, что тогда шаманизм стал исследоваться в отрыве от этнической проблематики.

После стабилизации ситуации в Китае и в этой стране тоже стали вспоминать о роли профессора Ши Луго (С. М. Широкогорова) в развитии антропологии и этнологии этой страны [22; 39]. Его ученик Фэй Сяотун опубликовал переводы на китайский язык ряда работ С. М. Широкогорова и свои воспоминания об учителе, которого он описывал таким образом: "Был он также очень

многознающим, так что я не мог понять всё то, что он тогда мне говорил. Он знал всё: антропологию, биологию, физическую антропологию, математику, лингвистику. Холистический подход был для него вполне естественным. Очень знающий и обладающий большим умом" [9, с. 126].

Таким образом, мы имеем свидетельства непосредственного влияния теории этноса С.М. Широкогорова на китайских, а благодаря У. Йохансен и П. Скальнику – на немецких и южноафриканских исследователей. Своё знакомство с основными работами этого автора по данной проблеме указали Ю. В. Бромлей в своей монографии "Этнос и этнография" [с. 22] и Л. Н. Гумилёв в работе "Этногенез и биосфера Земли" [с. 67]. В письме к В. М. Алексееву 9 апреля 1931 г. С.М. Широкогорov сообщил, что А. Кит вступил с ним в переписку ещё в 1925 г. (СПФ АРАН Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 880. Лл. 40 об.)². Что же касается Ф. Барта, то сам он не отмечал свою осведомлённость о С.М. Широкогоре и его идеях. Однако, значение российского автора для "озарения" Ф. Барта показали Д. Андерсон и Д. Арзютов в своей попытке дискредитации значения теории этноса Широкогорова [2]. Они же привели свидетельство бывшего студента Барта Д. Тумансониса о том, что этот профессор в 1960-х гг. очень интересовался нашим соотечественником, а также его идеями и настойчиво рекомендовал своим студентам делать то же самое. Поведали горе критики и о том, что сходство идей Барта и Широкогорова уже обсуждали с ними разные зарубежные специалисты [2, с. 104; 19]. Необходимую доказательность этого вывода подтверждает сравнительный анализ основных положений концепции Ф. Барта и теории С.М. Широкогорова.

Теория этноса С.М. Широкогорова. Известный вариант теории этноса С.М. Широкогорова доступен по изданной в 1923 г. в Шанхае ещё на русском языке монографии "Этнос ...". Основные положения автора содержатся в англоязычных публикациях на основе этого издания, а новая трактовка этноса приведена в монографии Широкогорова "Психоментальный комплекс тунгусов"³. Поэтому эти издания вполне были доступны Барту. На основе имеющихся материалов основные идеи российского учёного могут быть представлены следующим образом.

Сначала С.М. Широкогорov ещё считал: "... этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица, – объект науки этнографии" [16, с. 9]. Возникновение и существование разных этносов в теории С.М. Широкогорова объяснялось адаптацией к трём видам среды: природной, культурной, созданной самим этносом, и межэтнической, формируемой другими этносами. Отношения с каждой из рассматриваемых видов среды получили в теории российского учёного вполне развернутое освещение. Демографический фактор тоже получил своё место в его теории: "Для этноса признаками, указывающими на умелую приспособляемость в отстаивании своего права на жизнь, является прежде всего его численный состав по отношению к другим этносам... и сохранение численного состава на определённом уровне" [16, с. 61]. Важное значение в теории С.М. Широкогорова отводилось принципу равновесия, которому должны были соответствовать основные компоненты, составляющие этнос. Поэтому он принял идею Д.А. Коропчевского о взаимосвязи занимаемой территории, численности населения и уровня развития культуры этноса – как факторов, влияющих на его состояние (стабильное, развитие или упадок). Однако для нашего автора эти механизмы адаптации и факторы имели значение не только сами по себе. Уже в этой редакции своей теории он учитывал: "Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание духовной культуры этноса..." [16, с. 99]. В своём анализе межэтнических отношений Широкогорov пришел к выводу о том,

² СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

³ Из переписки С.М. Широкогорова с В.М. Алексеевым и В. Мюльманом мы знаем, что незадолго до своей смерти он подготовил работу «Введение в этнологию. Теория этноса», которую он считал главным делом своей жизни. К сожалению, эта рукопись, как и весь архив учёного, были утрачены после смерти Е.Н. Широкогоровой в 1943 г. в Пекине.

что "... для каждого этноса другие этносы являются также средой, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса" [16, с. 60]. Подробно он рассмотрел также различные аспекты межэтнических взаимодействий: "... эти отношения могут принять самые различные формы, – форму сотрудничества, форму взаимных выгод, форму паразитизма и форму поглощения или слияния..." [16, с. 61].

В новую редакцию теории в 1935 г. С. М. Широкогоров внёс два принципиальных изменения. Во-первых, он предложил рассматривать этнос как процесс, в который включены этнические общности, предвосхитив тем самым призыв норвежского "классика" заниматься изучением процессов. Во-вторых, он отказался использовать категорию "культура" в своей теории, признавая её оправданность только в отношении материальной культуры. Все остальные явления, включавшиеся ранее в эту категорию, он выделил как психоментальный комплекс, являющийся основным достоянием этнической общности. Это новое понятие объединяло в себе как бессознательные, так и сознательные составляющие, воплощённые в историческом опыте, реальных знаниях, верованиях, представлениях о мире, своей и других общностях, а также о человеке [34, р. 1–6, 12–19]. Следовательно, можно констатировать, что именно С. М. Широкогоров ещё в 1920-х гг. обосновал в своей теории значение этнической общности как исходной "единицы", совокупность которых составляет человечество, а также самостоятельный её статус по отношению к культуре и обществу. Он же объяснил образование этнических общностей в результате процессов адаптации разных групп людей к природной, культурной и этнической средам. Поэтому российский автор рассмотрел вопросы существования этих объединений и в разных экологических условиях (нишах). Так что М. Якубек не прав, утверждая, что Барт со своим интересом к экологическим нишам выглядел как "одинокая фигура". Российский учёный ещё раньше уже обсуждал эти вопросы! Достаточно обстоятельно Широкогоров исследовал возможные варианты межэтнического взаимодействия и факторы, оказывающие влияние на эти отношения. Как было показано ранее, описание этих отношений тоже является одной из важных составляющих концепции Барта.

Наиболее значимым достижением нашего соотечественника конца 1920-х– 1930-х гг. является всё же его концепция психоментального комплекса, которой посвящено фундаментальное исследование "Психоментальный комплекс тунгусов". Некоторое представление о развитии идей по этой проблеме можно получить, в частности, из переписки нашего автора с В. Мюльманом. В ней уже идёт речь о кардинальном этнологическом пересмотре методологии этнографического исследования. В письме от VIII в. июня 1938 г. С. М. Широкогоров пишет: "Типичный этнограф XIX века, собирая (разумеется, весьма фрагментарно) факты, не знал о наличии собственного психоментального комплекса. У него и в мыслях не было, что таковой вообще существует – он полагал, что его устами глаголет ИСТИНА, НАУКА..." На самом же деле "...у наблюдателя (и исследователя, описывающего ситуацию) есть собственный психоментальный комплекс, сформированный его культурной средой; следовательно, учёный не является орудием вечной истины, он лишь отражает мир через собственную личность (старое открытие!), в то время как сторонние психоментальные комплексы формируют изучаемый мир" [7, с. 150–151]. Но Широкогоров идёт ещё дальше, развивая свою концепцию следующим образом: "... читатель тоже не является лишь "принимающим" лицом; он – лицо "воспринимающее", а способность к восприятию решительным образом ограничена тем, что у него есть свой собственный психоментальный комплекс, который сформирован его этнической средой. В итоге возникает ситуация комбинированных трехсторонних действий и реакций". Столь глубокое понимание проблемы позволило ему предложить и вариант её решения: "Как я понимаю, единственный доступный в настоящее время путь смягчить ошибки восприятия – раскрыть весь механизм анализа и построений, показав, насколько они зависят от личности наблюдателя и исследователя, описывающего ситуацию, и тем самым помочь читателю устранить исследовательскую этно- и эгоцентристскую точку зрения в процессе восприятия чужого психоментального комплекса" [7, с. 151]. Что же касается понимания самого психоментального комплекса как функционального единства, то, по мнению

С. М. Широкогорова, для этого требуются такие нестрогие методы, как "всматривание" и "интуиция"].

Следовательно, можно утверждать, что С. М. Широкогоров своей концепцией психоментального комплекса как основного достояния этнических общностей и характеристикой некоторых взглядов, составляющих их индивидов, реально предвосхитил субъективистский поворот в изучении проблемы, приписываемый Ф. Барту. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что слишком большое количество совпадений между идеями работ С. М. Широкогорова и текстом Ф. Барта уже не оставляет сомнений, что именно работы нашего соотечественника послужили источником вдохновения весомой части Предисловия зарубежного "классика". Вероятнее всего, он познакомился с работами С. М. Широкогорова где-то в 1960-х гг. и был также впечатлён ими, но, как в своё время В. Мюльман, предпочёл не упоминать об этом факте. (Более подробное обоснование сходства идей С. М. Широкогорова и положений концепции Ф. Барта см. [5]).

Значение теории этноса сегодня

Забвение идей С. М. Широкогорова и других авторов 1920-х–1930-х гг. привело не только к взлёту карьеры Ф. Барта и негативным последствиям вызова постмодернизму, но и заставило Э. Саида заново пересматривать уже осмысленные его предшественником реалии психоментального комплекса в своей концепции ориентализма. В свете же современных данных назрел вопрос: как объяснить тот факт, что теория этноса российского учёного оказалась востребованной в СССР эпохи развитого социализма, в Германии нацистского периода и послевоенного времени, в буржуазных Великобритании, Норвегии и Франции, в Южной Африке времён апартеида, в Китае на разных этапах его новейшей истории и в некоторых других странах? Очень показательным, что в своё время работавшая в Великобритании Т. Драгадзе, узнав о параллельном продвижении теории этноса Ю. В. Бромлеем и южноафриканскими специалистами, призывала коллег скрывать этот факт, т. к. боялась, что он может послужить причиной репрессий в отношении советского академика [20]. Но такая странная востребованность теории С. М. Широкогорова получает объяснение, если признать независимость его трактовки данного явления от политических, идеологических и различных конъюнктурных соображений и обстоятельств (идеальный тип). В таком случае понятия "этнос" (в значении процесса), этнические общности и соответствующие им психоментальные комплексы были предназначены для объяснения более глубоких антропологических свойств человека, чем каких-либо последующих напластований. Поскольку серьёзной альтернативы теории С. М. Широкогорова для понимания реальности этнического многообразия человечества так и не появилось, то она и стала столь востребованной в мире и сохраняет своё значение до настоящего времени.

В свете теории этноса Широкогорова в её реальном содержании, а не как сконструированного некоторыми авторами "артефакта" для критики [1; 5], становится понятным, что чтобы стать человеком (*homo sapiens sapiens*), нужно стать, например, русским, аварцем, бурятом, лезгинцем, татаринцем, якутом или же американцем, англичанином, китайцем, корейцем, немцем, французом. То есть оказаться носителем доступной части (частей) конкретного (конкретных) психоментального комплекса, делающего индивида представителем определенной этнической общности. Конечно, в реальных условиях на индивидов могут также оказывать влияние ситуации межэтнических браков, механизмы общих межэтнических взаимоотношений, аккультурации, этнической (национальной) политики и другие факторы. В результате в общностях могут появляться свои "маргиналы" по отношению к основной части их представителей. Поэтому С. М. Широкогоров учитывал центробежный и центростремительный векторы этноса, взаимодействующие в каждой отдельной общности [35]. Но они уже оказываются своеобразной "надстройкой" или дополнением к этнической основе. Человек – есть существо прежде всего этническое, а уже потом гражданское ("политическое") – вот необходимый вывод из теории этноса С. М. Широкогорова.

В целом же, оценивая разработки по теории этноса и сравнивая их с идеями замечательного российского исследователя, несмотря на упорные по-

пытки дискредитировать их значение, придать им "местечковый" характер или приписать её автору профашаистские взгляды, можно утверждать, что эта теория сохраняет своё непреходящее значение для мировой науки. Как уже отметил И. Ю. Заринов: "... дальнейшие теоретические разработки, связанные с этническим феноменом, при всех их кажущейся новизне, так или иначе являются вербальной обработкой и дополнением к теоретическим идеям Широкогорова..." [3, с. 28]. Не случайно, что к идеям С. М. Широкогорова обращаются и сегодня разные специалисты [19]. В то же время показательно, что игнорирование теории этноса этого замечательного учёного приводит к предложениям вернуться к обсуждению проблемы как народа, т. е. на уровне понимания проблемы в Новое время [14], или же свести её к отслеживанию истории термина "этнос", как на начальных стадиях развития этнографии/этнологии [6; 8]. Но С. М. Широкогоров смог осуществить подлинный прорыв в исследовании этнической проблемы на основе применения новаторской методологии, которая предвосхитила некоторые важные положения трансдисциплинарного подхода и анализа сложных систем. К сожалению, именно эта концептуальная основа теории нашего соотечественника игнорируется современными этнологами / антропологами. Пора, наконец, подойти к оценке наследия Широкогорова с современных теоретико-методологических позиций, в соответствии с которыми этнический феномен является сложным образованием, в которое этнос-процесс и этнические общности входят как составной компонент. Сам же этот феномен является отдельным измерением в сложной этно-социо-политико-культурной реальности, часто описываемой понятием "нация". Но для анализа рассматриваемых феноменов реальности необходима трансдисциплинарная методология, учитывающая сложный, многомерный их характер, которой не обладают существующие этнология / антропология.

Литература / References

1. Арзютов Д. Теория этноса С. М. Широкогорова: 5 фактов о концепции, повлиявшей на ход развития этнографии в России. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (дата обращения: 08.01.2023). Arzyutov D. Theory of Ethnos S.M. Shirokogorova: 5 Facts about the Concept, that Influenced the Course of Development of Ethnography in Russia. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (accessed 08.01.2023) (In Russ.)
2. Арзютов Д. В., Андерсон Д. "Двойное послание" этноса: комментарий к статье академика В. А. Тишкова. *Этнографическое обозрение*. 2020. № 2. С. 101–106. Arzyutov D. V., Anderson D. "Double message" of the ethnos: commentary on the article by academician V. A. Tishkov. *Ethnographic Review*. 2020. No. 2. P. 101–106. (In Russ.)
3. Заринов И. Ю. Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023. 236 с. Zarinov I. Yu. Ethnos and Ethnicity: A Retrospective Look at the Problem. Moscow: IEA RAS, 2023. 236 p. (In Russ.)
4. Йохансен У. Влияние С. М. Широкогорова на немецкую этнологию. *Этнографическое обозрение*. 2002. № 1. С. 139–143. Johansen U. The influence of S. M. Shirokogorov on German ethnology. *Ethnographic Review*. 2002. No. 1. P. 139–143 (In Russ.)
5. Кузнецов А. М. Теория этничности Ф. Барта и её реальное значение. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 3. С. 85–97. Kuznetsov A. M. Fredrik Barth's Theory of Ethnicity and Its Practical Significance. *Ojkumena. Regional Researches*. 2023. No. 3. P. 85–97.
6. Макарихина О. А. История терминов в истории гуманитарной науки (на примере термина "этнос"). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2009. № 1. С. 146–152. Makarikhina O. A. History of terms in the history of humanitarian science (using the term "ethnos" as an example). *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University*. 2009. No. 1. P. 146–152. (In Russ.)
7. Мюльман В. С. М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии). *Этнографическое обозрение*. 2002. № 1. С. 144–155. Mühlman V. S. M. Shirokogorov. Obituary (with letters, photographs and bibliography). *Ethnographic Review*. 2002. No. 1. P. 144–155. (In Russ.)
8. Панченко А. Б. Истоки теории этноса: терминологический аспект. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2010. № 3 (10). С. 108–114. Panchenko A. B. Origins of the Theory of Ethnos: Terminological Aspect. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2010. No. 3 (10). P. 108–114. (In Russ.)

9. Петрова Е. Д. Фэй Сяотун о С. М. Широкогорове. "После прочтения книги вспоминаю учителя" // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток: Издательство ДВГУ, 2008. С. 124–129.
Petrova E. D. Fei Xiaotong about S. M. Shirokogorov. "After reading the book, I remember the teacher" // Ethnos and nation in the context of globalization: experience and precedents of the Asia-Pacific region. Vladivostok: DVGU Publishing House, 2008. P. 124–129. (In Russ.)
10. Ревуненкова Е. В., Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров. *Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 100–119.
Revunenkova E. V., Reshetov A. M. Sergei Mikhailovich Shirokogorov. *Ethnographic Review*. 2003. No. 3. P. 100–119. (In Russ.)
11. Решетов А. М. Петербургский период жизни и деятельности С. М. Широкогорова // С. М. Широкогоров. Избранные работы и материалы. Книга первая. Избранное. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2001. С. 6–31.
Reshetov A. M. The St. Petersburg period of life and work of S. M. Shirokogorov // S. M. Shirokogorov. Selected works and materials. Book one. Selected. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2001. P. 6–31
12. Решетов А. М. С. М. Широкогоров: китайский период жизни и деятельности (1922–1939 гг.) // Зарубежная Россия 1917–1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 183–189.
Reshetov A. M. S. M. Shirokogorov: The Chinese period of life and work (1922–1939) // Foreign Russia 1917–1939. Book 2. St. Petersburg, 2003. P. 183–189. (In Russ.)
13. Скальник П. Советская "теория" этноса и ее южноафриканская параллель. *Этнографическое обозрение*. 2006. № 3. С. 72–85.
Skalnik P. Soviet "theory" of ethnicity and its South African parallel. *Ethnographic Review*. 2006. No. 3. P. 72–85. (In Russ.)
14. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (омаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву). *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 6–25.
Tishkov V. A. On the reconciliation of constructivism and primordialism (homage to the ethnographer Andrei Vladimirovich Golovnev). *Ethnography*. 2023. No. 1 (19). P. 6–25. (In Russ.)
15. Широкогоров С. М. Краткий отчет о деятельности в 1917–1919 гг. сверхштатного младшего антрополога музея антропологии и этнографии // С. М. Широкогоров. Избранные работы и материалы. Книга первая. Избранное. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2001. С. 81–93.
Shirokogorov S. M. Brief report on the activities in 1917–1919 of a supernumerary junior anthropologist of the Museum of Anthropology and Ethnography // S. M. Shirokogorov. Selected works and materials. Book one. Selected. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2001. P. 81–93.
16. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование изменения основных принципов этнических и этнографических явлений // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Книга 2. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2002. С. 35–142.
Shirokogorov S. M. Ethnos. Research of changes in the basic principles of ethnic and ethnographic phenomena // Shirokogorov S. M. Selected works and materials. Book 2. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2002. P. 35–142. (In Russ.)
17. Широкогоров С. М. Curriculum Vitae // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Книга 1. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 20–1 С. 59–61.
Shirokogorov S. M. Curriculum Vitae // Shirokogorov S. M. Selected works and materials. Book 1. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2001 P. 59–61. (In Russ.)
18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Etnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept. *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60, No 6. P. 741–773.
19. Bohuszewicz J. The Concept of Mind in S. M. Shirokogoroff's "Psychomental Complex of the Tungus". *Anthropos*. 2021. Vol. 116, № 1. P. 77–88.
20. Dragadze T. The place of ethnos" theory in Soviet anthropology // Soviet and Western Anthropology / Ed. by E. Gellner. L.; Duckworth, 1980. P. 161–170.
21. Eliade M. Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton University Press, 1972. 570 p.
22. Guldin G. The Saga of Anthropology in China: from Malinowski to Moscow and Mao. New York; London: An East Gate Books; Armork, 1994. 328 p.
23. Miihlmann W. E. Besprechung von S. M. Shirokogoroff: Psychomental Complex of the Tungus. *Deutsche Literaturzeitung*. 1938. No. 15.
24. Miihlmann W. E. Nachruf auf S. M. Shirokogorov (nebst brieflichen Erinnerungen). Mit einem Lichtbild und einer Bibliographie // Archiv für Anthropologie. Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N. F. Bd. XXVI. H. 1–2. Braunschweig, 1940. P. 55–64.
25. Reshetov A. M. S. M. Shirokogoroff // International Dictionary of Anthropologists / Ed. by Ch. Winters. NY., L., 1991.
26. Shirokogorov S. M. Anthropology of Northern China / Royal Asiatic Society. Shanghai. 1923. Extra Vol. 11. 118 p.
27. Shirokogorov S. M. Anthropology of Eastern China and Kwangtung province // Publications of North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1925. Extra Vol. 4. 162 p.

28. Shirokogoroff S. M. *Ethnical Unit and Milleu. A Summary of Ethnos*. Shanghai: Edward E Vance and Sons, LTD, 1924. 36 p.
29. Shirokogorof S. M. *Ethnographie und Ethnologie. Zur Lage der modernen Volkerkunde (aus dem Englischen ubersetzt von W. Muhlmann)*. *Archiv fur Anthropologie n.s.* 1937. XXIV. P. 1-7.
30. Shirokogorof S. M. *Ethnological and linguistical aspects of Uralo-Altai hypothesis*. Peiping: The Commercial Press, 1931. 198 p.
31. Shirokogorof S. M. *Ethnos: An outline of theory*. Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.
32. Shirokogorof S. M. *La theorie de l'Ethnos et sa place dans le systeme des sciences anthropologiques. L'Ethnographie nouvelle serie*. 1936. 32. P. 85–115
33. Shirokogorof S. M. *Process of physical growth among the Chinese. Vol. 1. The Chinese of Chekiang and Kiangsu: measured by Dr. V. Appleton*. Shanghai: The Commercial Press, 1925a. 137 p.
34. Shirokogorof S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
35. Shirokogorof S. M. *Review of Method der Volkerkunde by W. Muhlmann. Deutsche Literaturzeitung*. 1939. No. 19. P. 678–682.
36. Shirokogorof S. M. *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups)*. Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
37. Shirokogorof S. M. *Versuch einer Erforschung der Grundalen des Schamanentus bei den Tungusen, autorisierte Ubersetzung von W. A. Unkrig aus dem Russischen. Baessler-Archiv XV111/2*. 193a P. 41–96.
38. Skalnik P. *Union sovietique – Afrique du Sud: les theories de l'ethnos (The Soviet Etnos 'Theory' and Its South African Parallel)*. *Cahiers d'Études Africaines*. Vol. 28, Cahier № 110. Vol. XXVIII. 1988. P. 157–176.
39. 希羅科戈羅夫對中國人類學發展的影響. 中南人文社會科學 大學學報.
Liu Xiaoyong. *Shirokogorov's Influence on the Development of Anthropology in China. Journal of South-Central University for Humanities and Social Sciences*. 2007. Issue 24. P. 73–79 (In Chin.)

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2025

Одобрена после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 25.07.2025

Approved 11.02.2026

Accepted 26.02.2026